

Схватка□ за вечерним чаем.

Автор.- Схватка произошла в тот же день за вечерним чаем. Павел Петрович сошел в гостиную уже готовый к бою, раздраженный и решительный. Он ждал только предложения, чтобы накинуться на врага, но предложение долго не представлялся. Базаров вообще говорил мало в присутствии «старичков Кирсановых» (так он называл обоих братьев), а в тот вечер он чувствовал себя не в духе и молча выпивал чашку за чашкой. Павел Петрович весь горел нетерпением; его желания сбылись наконец. Речь зашла об одном из соседних помещиков.

Б.- «Дрянь, аристократишко»

П.П.- Позвольте вас спросить, по вашим понятиям слова «дрянь» и «аристократ» одно и то же означают?

Б.- Я сказал: «аристократишко»

П.П.- Точно так-с; но я полагаю, что вы такого же мнения об аристократах, как и об аристократишках. Я считаю долгом объявить вам, что я этого мнения не разделяю. Вспомните, милостивый государь английских аристократов. Аристократия дала свободу Англии и поддерживает ее.

Б.- Слыхали мы эту песню много раз, но что вы хотите этим доказать?

П.П.-Я *эфтим* хочу доказать, милостивый государь, что без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе, - а в аристократе эти чувства развиты, - нет никакого прочного основания общественному зданию. Личность, милостивый государь, - вот главное; человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится. Я очень хорошо знаю, например, что вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность наконец, но это все проистекает из чувства самоуважения, из чувства долга, да-с, да-с, долга. Я живу в деревне, в глуши, но я не роняю себя, я уважаю в себе человека.

Б.- Позвольте, Павел Петрович, вы вот уважаете себя и сидите сложа руки; какая ж от этого польза для *bienpublic*? Вы бы не уважали себя и то же бы делали.

П.П.- Это совершенно другой вопрос. Мне вовсе не приходится объяснять вам теперь, почему я сижу сложа руки, как вы изволите выражаться. Я хочу только сказать, что аристократизм - принцип, а без принципов жить в наше время могут одни безнравственные или пустые люди.

Б.- Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы - подумаешь, сколько иностранных и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны. П.П.- Что ж ему нужно, по-вашему? Послушать вас, так мы находимся вне человечества, вне его законов. Помилуйте - логика истории требует ...

Б.- Да на что нам эта логика? Мы и без нее обходимся.

П.П.- Как так?

Б.- Да так же. Вы, я надеюсь, не нуждаетесь в логике для того, чтобы положить себе кусок хлеба в рот, когда вы голодны. Куда нам до этих отвлеченностей!

П.П.- Я вас не понимаю после этого. Вы оскорбляете русский народ. Я не понимаю, как

можно не признавать принципов, правил? В силу чего же вы действуете?

А.- Я уже говорил вам, дядюшка, что мы не признаем авторитетов.

Б.- Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным. В теперешнее время полезнее всего отрицание, - мы отрицаем.

П.П.- Всё?

Б.- Всё.

П.П.- Как? Не только искусство, поэзию ... но и ... страшно вымолвить ...

Б.- Всё.

П.П.- Однако, позвольте. Вы всё отрицаете, или, выражаясь точнее, вы всё разрушаете ... Да ведь надобно же и строить.

Б.- Это уже не наше дело ... Сперва нужно место расчистить.

А.- Современное состояние народа этого требует, мы должны исполнять эти требования, мы не имеем права предаваться удовлетворению личного эгоизма.

П.П.- Нет, нет! Я не хочу верить, что вы, господа, точно знаете русский народ, что вы представители его потребностей, его стремлений! Нет, русский народ не такой, каким вы его воображаете. Он свято чтит предания, он патриархальный, он не может жить без веры ...

Б.- Я не стану против этого спорить, я даже готов согласиться, что в этом вы правы.

П.П.- А если я прав ...

Б.- И всё-таки это ничего не доказывает.

А.- Именно ничего не доказывает.

П.П.- Как ничего не доказывает? Стало быть, вы идёте против своего народа?

Б.- А хоть бы и так? Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним? Да притом - он русский, а разве я сам не русский?

П.П.- Нет, вы не русский, после всего, что вы сейчас сказали! Я вас за русского признать не могу.

Б.- Мой дед землю пахал. Спросите любого из ваших же мужиков, в ком из нас - в вас или во мне - он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ним не умеете.

П.П.- А вы говорите с ним и презираете его в то же время.

Б.- Что ж, коли он заслуживает презрения!

П.П.- Как же! Очень нужны нигилисты.

Б.- Нужны ли они или нет - не нам решать. Ведь и вы считаете себя не бесполезным.

П.П.- Господа, господа, пожалуйста, без личностей!

Б.- Не беспокойся. Я не позабудусь, именно вследствие того чувства достоинства, над которым так жестоко трунит господин доктор.

П.П.- Так, так: вы во всём этом убедились и решились сами ни за что серьёзно не приниматься?

Б.- И решились ни за что не приниматься.

П.П.- А только ругаться?

Б.- И ругаться.

П.П.- И это называется нигилизмом?

Б.- И это называется нигилизмом.

П.П.- Так вот как! Нигилизм всему горю помочь должен, и вы, вы наши избавители и герои. Так. Но за что же вы других-то, хоть бы тех же обличителей, честите? Не так же ли вы болтаете, как и все?

Б.- Чем другим, а этим грехом не грешны.

П.П.- Так что ж? Вы действуете, что ли? Собираетесь действовать?

Б.- Гм!.. Действовать, ломать ... Но как же это ломать, не зная даже почему?

А.- Мы ломаем, потому что мы сила.

П.П.- Несчастный! Хоть бы ты подумал, что в России ты поддерживаешь твою пошлою сентенцией? Нет, это может ангела из терпения вывести! Сила! И в диком калмыке и в монголе есть сила - да на что нам она? Нам дорога цивилизация, да-с, да-с, милостивый государь; нам дороги её плоды. Есть миллионы, которые не позволят вам попирать ногами свои священнейшие верования, которые раздавят вас!

Б.- Коли раздавят, туда и дорога. Только бабушка ещё надвое сказала. Нас не так мало, как вы полагаете.

П.П.- Как? Вы не шутя думаете сладить, сладить с целым народом?

Б.- От копеечной свечи, вы знаете, Москва сгорела.

П.П.- Так, так. Сперва гордость почти сатанинская, потом глумление. Вот, вот чем увлекается молодёжь, вот чем покоряются неопытные сердца мальчишек! Вот, поглядите, один из них рядом с вами сидит, ведь он чуть не молится на вас, полюбуйте. И эта зараза уже далеко распространилась. Мне сказывали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой. Рафаэля считают чуть ли не дураком.

Б.- По-моему, и Рафаэль гроша медного не стоит, да и они не лучше его.

П.П.- Bravo, bravo! Слушай, Аркадий ... вот как должны современные молодые люди выражаться! Прежде молодым людям приходилось учиться, чтобы не прослыть заболванов, а теперь они вдруг стали нигилисты.

Б.- Вот и изменило вам хвалёное чувство собственного достоинства. Спор наш зашёл слишком далеко ... Кажется, лучше его прекратить. А я тогда буду готов согласиться с вами, когда вы представите мне хоть одно постановление в современном нашем быту, в семейном или общественном, которое бы не вызывало полного и беспощадного отрицания.

П.П.- Я вам миллионы таких постановлений представлю, миллионы! Да вот хоть община, например.

Б.- Ну, насчёт общины поговорите лучше с вашим братцем. Он теперь, кажется, изведал на деле, что такое община, круговая порука, трезвость и тому подобные штучки.

П.П.- Семья, наконец, семья, так, как она существует у наших крестьян!

Б.- И это вопрос, я полагаю, лучше для вас же самих не разбирать в подробности. Вы, чай, слыхали о снохачах! Послушайте меня, Павел Петрович, дайте себе денька два

сроку, сразу вы едва ли что-нибудь найдете. Переберите все наши сословия да подумайте хорошенько над каждым, а мы пока с Аркадием будем ...

И.П.- Надо всем глумиться .

Б.- Нет, лягушек резать. Пойдём, Аркадий. До свидания, господа!

В. Ю. Байдарова, ГОУЦО №633, г. Санкт-Петербург